

КНИЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

«Каждый нормальный автор тщеславен»

Сегодня в гостях у «Книжного клуба» — писатель Даниэль Орлов, автор книг «Северная крепость», «Офис-дзен», «Долгая нота», «Саша слышит самолеты», один из основателей издательства «Современная литература» и фонда «Русский текст», член совета Союза писателей Санкт-Петербурга.

— Издательство «Современная литература» появилось в непростые времена, когда уже вовсю шли поглощение небольших издательств крупными. На что вы уповали, как выжидали и каковы перспективы издательства сейчас?

— Это гуманитарный проект, он не про деньги, а про хорошие книги и про хороших авторов. С крупными издательствами нас сравнивать сложно. Но и на маленькие издательства, которые издают книги ради собственного удовольствия и от мании книгопечатания, мы не особо похожи. Мы — сообщество авторов, которые приняли на себя функцию издателя. Собрались как товарищи по литературному труду из разных российских городов, представляем себе творчество друг друга, и это творчество оцениваем как самостоятельное и вписанное в литературный процесс. Скажете, что субъективно? Не то слово! В том и прелесть. Мы разные, но отношение к литературному труду схожее — это главное дело нашей жизни, чем бы мы параллельно ни занимались. Каждая книга обсуждается членами этого нашего неформального творческого союза. Есть еще главный редактор — Андрей Коровин. Но мы себе сами представляем некую полку, составленную из наших общих книг. И на этой полке слабых, неумелых, творчески несостоятельных вещей быть не должно. Это принцип клуба. А продвигаем мы книги совместными усилиями всех тех, кого печатаем и кого собираемся напечатать. Потому и перспективы всегда радужные, это же не про деньги.

— Недавно вы сказали: «Мы находимся на переломном этапе, надо отдавать себе отчет, что той формы издания, а значит, и существования литературных текстов, что была раньше, уже не будет». Какими вам видятся эти самые формы существования литературных текстов ближайшего будущего?

— Это я сказал? Погорячился. У литературных текстов останется прежняя форма. А вот у книги суще-

ствование меняется. Электронная, виртуальная книга дополняет книгу как объект материального мира. Т. е. книга будет, скорее всего, существовать в двух этих ипостасях. Вообще каждый нормальный автор тщеславен и мечтает иметь свое издание в печатной версии, чтобы можно было подарить его, например, теще или стоматологу в поликлинике для творческих работников. Многие читатели тоже предпочитают бумагу электричеству. Так что книга материальная не пропадет. Желательно еще автору получить за свою книгу гонорар, хорошо бы еще и потиражный. Себестоимость издания увеличилась, гонорары уменьшились до символических, хватает, например, за телефон заплатить. Виртуальный тираж позволит зарабатывать и автору, и издателю. Но тут сразу вся концепция издания книг меняется. Однако пока у нас почему-то за доблесть считается электронные книги не покупать, а воровать, дело будет буксовать. И автору будет плохо, и издателю, который, кстати, в скором времени изменится, но это особый разговор. Я вообще за то, чтобы огромный издательский монстр вдруг бах — и рассыпался. Сейчас от него больше вреда и дурновкусы.

— Несколько лет назад вы переехали из Петербурга в Москву, теперь вернулись. Считали ли вы себя все это время по-прежнему петербургским писателем?

— Я не переезжал навсегда. Так казалось удобнее работать, сейчас удобнее больше времени проводить в Ленинграде. Я же еще и главный редактор научно-популярного журнала, редакция которого формально в Москве. И со столицей у меня настоящий «роман на стороне», с ревностью, обидами и хлопанием дверями, короче, страсть. А в Ле-

Даниэль Орлов.

Фото Сергея СЕМКИНА

нинграде мой дом, тут я родился, тут и живу, даже когда живу не тут. Вот сейчас семью перевез, мучаю их слякотью, темнею и силлаботоникой Петербургской стороны, которая всякий раз удивительным образом рифмуется то с Зоопарком, то с кинотеатром «Великан». А писателем петербургским или еще каковским я себя поименовать не дерзну. Писатель — это же не самоназвание, писателем тебя должны назвать читатели, коллеги, само время. Выбираю всякие эвфемизмы, например «член союза писателей» или «литератор». Прозаиком могу себя обзывать, потому как «прозаик» — это лишь указание, что человек работает в конкретной области литературы.

— Журнал, издательство, ведение литературных вечеров... а когда вы успеваете писать?

— Утром. Я стараюсь вставать рано и, пока дети спят, работать. Часа три-четыре в день. Хотелось бы больше, но смиренно рад и тому.

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ

Предлагаем вниманию наших читателей отрывок из новой повести Даниэля Орлова «Банька по-черному», полностью опубликованной в журнале «Октябрь» (№1, 2015)

Любил Кеша бросать спиннинг, но не слышал, чтобы в этом озере на спиннинг кто-либо ловился. Жила в матриархате темной воды хитроумная старая щука, давшая своему потомству наказ не вестись на человечесью хитрость. Разве что вялой рыбешкой, подцепленной за спинку на черной каленый крючок донки, можно было пытаться обмануть многомудрую озерную братию.

Надергав на поплавок окуней и отправив их сторожить свиней, Кеша развел на небольшой полянке у восточного окончания озера костерок. Доставал из рюкзака припасенный заранее чифирь-бак, блестящую банку из-под консервированных абрикосов, и, зачерпнув озерной воды, примащивал в жаркое место. Дождался, когда вода закипит, стягивал с плеча рукав шубы, снимал аккуратно бачок с огня и макал в него пакетики дешевого чая. Здесь,

возле костра, перемешавшись с пеплом, напилавшись дымком, самый дешевый чай приобретал благородный оттенок, превращался в аристократический напиток великой цены и редкости. Кеша раскладывал пепный коврик, так, что он опирался на колкий, пружинящий брусничным листом бугорок, и полулежал, глядя, как то тут, то там окает ровными нолями гуляющей у самой поверхности озера окунь.

Иной раз засыпал он у такого костерка, просящийся в белесом сумраке карельской ночи, когда ухало что-то в подлеске да скрипели скрещенными в охранном суеверии пальцами две сухие сосны на краю болотных троп. Скрипели не то от ветерка, не то от того, что где-то там внизу подо мхом, под метровой путанкой ржавой проволоки из корневой вереска и багульника, лениво переворачивалась, устриваясь поудобнее, забытая своими чухонская

нежить, с калевальских времен ушедшая по-доброму-поздорову от человека в темень и стужу моренных озерец да болотин.

Проверив снасть, сняв вертлжок, пенного шуренку и вновь снарядив донку, Кеша заливал из чифирь-бака костер и отправлялся назад по тропе, которая июньской ночью почти дышала голубоватым светом, заставляя думать о лесных огнях, русалках и леших. Но то лишь примятый тяжелой кирзой сфагнум отражал пойманное между верхушками елей эхо карельского неба.

И выходил на асфальт, выныривал из-под куста орешника, скрывающего начало тропы. И шел по розовой шлифованной гранитной крошке, сверкающей середь застывшего гудрона, ухая подошвами и вдыхая ночное полоумие иван-чая, взболтанного вдоль природно-рожных канав с туманом и прелью.

НОВОСТИ ОТ КНИГОЧЕЕВ

Лариса Малеванная в недавно вышедшем фильме «Две женщины».

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ ЛАРИСЫ МАЛЕВАННОЙ...

...пройдет 20 февраля в 19.00 в Доме писателя (Звенигородская улица, 22).

В книгу актрисы, прозаика, драматурга Ларисы Малеванной «Мирись, мирись...» вошли три киносценария, три инсценировки, сделанные для труппы Краснодарского молодежного театра, и несколько рассказов о животных.

По словам Ларисы Ивановны, ее произведения — о том, что «дьявольский механизм саморазрушения человечества кто-то должен остановить».

Творческим вечером, ведущим которого станет актер Иван Краско, откроется новый проект Союза писателей Санкт-Петербурга «Литературный салон «Третья пятница».

«Мы его специально так назвали, — говорит куратор проекта поэт Галина Илюхина, — чтобы вы все запомнили, что каждую третью пятницу месяца мы ждем вас в нашем салоне — как в качестве участников, так и в качестве зрителей-слушателей». Фото с сайта <http://www.kinopoisk.ru>

ВЕЧЕР ПАМЯТИ МИХАИЛА БОЛДУМАНА...

...его друзья проведут 22 февраля в 19.00 в книжном магазине «Фаренгейт 451» (улица Маяковского, 25, вход со двора).

8 февраля исполнилось бы 48 лет Михаилу Болдуману — поэту, прозаику, художнику, человеку с неистощимым остроумием. И, как казалось всем, кто его знал, — с неистощимой жизненной силой...

Михаил ушел из жизни в мае 2010 года. Но выходят книги с его стихами, прозой, рисунками, воспоминаниями о нем.

Одно из таких изданий сейчас готовит к печати постоянный соавтор Болдумана Евгений Ямкишев. Часть вечера будет посвящена «предпрезентации» этого проекта.

Композитор и певец Александр Джигит споет песни, написанные им на стихотворения Ямкишева и Болдумана (или, как давно уже принято говорить в Петербурге и Москве, «тандема М&Б»). Вечере также участвует еще один старый друг Михаила, писатель и поэт Андрей Полонский.

Для тех, кто еще не бывал в «Фаренгейте», это отличный повод познакомиться с местом, где не только продаются книги, которых больше не увидишь нигде, но и собирается творческая интеллигенция нашего города (да и других городов). Фото из архива Евгения Ямкишева

Евгений Ямкишев и Михаил Болдуман.

ИЗДАНО В ПЕТЕРБУРГЕ

Даниил ГРАНИН

ВЕЧЕРА С ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ. СООБЩЕНИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ГОСПОДИНА М.

«Лениздат», «Команда А»

Периздание одной из самых любимых читателями книги современного российского классика, по мотивам которой Владимир Бортко снял несколько лет назад сериал «Петр Первый. Завещание».

Д. ГРАНИН
ВЕЧЕРА
С ПЕТРОМ
ВЕЛИКИМ

...Пациенты санатория на Финском заливе коротают вечера в галерее полуразрушенного дворца. Вниманием собравшихся — людей разного круга и возраста, с разным жизненным опытом, — все чаще завладевает «суутлый, бледный, некрасивый человек», «счастливый неудачник» Молочников. Историк, скромно именующий себя дилетантом, он страстно увлечен Петровской эпохой и самой личностью первого российского императора, во многом противоречивой.

Такую форму выбрал автор, чтобы поделиться с читателями плодами размышлений над архивными документами, собственными мыслями о Петре — смелом реформаторе, жестоком деспоте, любящем муже, пытливым исследователе с задатками великого ученого.

Но разговоры обитателей санатория — не только рамка для исторического романа. Горячо обсуждая «сообщения» «господина М.», его собеседники пытаются примерить на себя поступки Петра, его друзей и врагов и тем самым сблизают реалии трехвековой давности и нынешнего дня.

Преподобный Амвросий ОПТИНСКИЙ

О КРЕСТЕ И ВОСКРЕСЕНИИ

«Лениздат», «Команда А»

Иеромонах Амвросий Оптинский вдохновил Достоевского на образ старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Он пользовался уважением и других своих современников. Так, философ и публицист В. В. Розанов писал: «Благодеяние от него льется духовное, да, наконец, и физическое. Все поднимаются духом, только взирая на него... Самые принципиальные люди посещали его, и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело».

Книга «О кресте и воскресении» имеет подзаголовок «Общие праздничные приветствия и письма к отдельным лицам». Тон переписки отца Амвросия с его многочисленными адресатами неизменно мягок, доверителен и деликатен. В письмах содержится не только поучения относительно духовного совершенства, к которому должен стремиться христианин, но и житейские советы и психологические рекомендации, поражающие тонким пониманием человеческой природы.

ПРЕПОДОБНЫЙ
АМВРОСИЙ
ОПТИНСКИЙ
О КРЕСТЕ
И ВОСКРЕСЕНИИ

Гийом АПОЛЛИНЕР

ТРИ ДОН ЖУАНА

«Лениздат», «Команда А»

Как ни странно, знаменитый французский поэт считал, что проза удается ему лучше стихов. Он говорил: «У меня есть слабость верить в мой большой талант рассказчика». Почти столь же странно, что проза Аполлинера, действительно блестящая и оригинальная, в мире известна относительно мало. Ася Петрова, в чьем переводе в настоящем издании опубликованы романы «Три Дон Жуана» и «Сидящая женщина», во вступительной статье предполагает, что причиной тому — изощренность писательской манеры Аполлинера, его любовь к игре слов и смыслов и нарочитым «неправильностям».

В «Трех Дон Жуанах» Аполлинер обыгрывает литературные традиции, весьма произвольно, но с уважением к источникам, — следуя за Тирсо де Молиной, Мольером и Байроном, он предлагает целых три версии образа распутника из средневековой испанской легенды.

В «Сидящей женщине» он играет с окружающей его реальностью: прототип героини фантастического романа — художница Ирен Лаго, другие персонажи списаны с Пабло Пикассо, Мориса Жакоба и других значимых фигурантов парижской богемы начала XX века. Напомним, кстати, что у Пикассо, учителя реальной Ирен Лаго, есть несколько картин под названием «Сидящая женщина».

ГИЙОМ
АПОЛЛИНЕР
ТРИ
ДОН ЖУАНА

Вильгельм ГАУФ

КАЛИФ-АИСТ

«Акварель», «Команда А»

Сказкам Гауфа присущи особая шемая острота и особый горьковато-сладкий привкус. Иллюстрации талантливого петербургского художника Антона Ломаева передают их столь наглядно, что, кажется, действительно дают пищу не только глазам, но и прочим органам чувств. А тут еще и тема Востока, которая сама по себе будит воображение. Физически ошугнимо и то, с каким кропотливым старанием и каким удовольствием художник выписывал мельчайшие детали роскошных орнаментов, разноцветье драгоценностей и одежды, складки на тюрбанах, перья превратившихся в аистов калифа и его визиря и принцессы-совы. И, несомненно, благодаря ломаявским иллюстрациям дети с еще большим восторгом прочтут (или услышат, если сами еще не умеют читать) любимую их родителей, бабушками и дедушками историю молодого багдадского правителя, на горе себе и на счастье неосторожно пошутившего с волшебным заклинанием.

